

КНИГИ ОМИЧЕЙ

«НЕ НАДО БОЛЬШЕ СЛОВ ВЫСОКИХ...»

Всем памятен честный и смелый голос одного из лучших наших литераторов — Сергея Залыгина, прозвучавший на последнем съезде писателей России в защиту сибирских рек. На состоявшемся совсем недавно Всесоюзном писательском форуме об этом же говорил и Валентин Распутин. Идея искусственного перераспределения стока рек Севера и Сибири, важнейших для громадных регионов страны водных артерий, всенародно названа сомнительной, могущей иметь губительные последствия для будущих поколений. Мне вспомнилось это на одном из недавних заседаний литературного клуба при Омской писательской организации во время выступления прозаика Александра Плетнева. Заседание было посвящено выходу книги поэта Николая Разумова (1946—1982 гг.) «Вечернее кочевье». Плетнев назвал эту небольшую книгу, вышедшую скромным тиражом в Омском издательстве, явлением значительным.

Не преувеличение ли это? Уверен — нет. В качестве доказательства приведу одно стихотворение из книги — «К Иртышу»:

Старина Иртыш,
ты мелеешь.
Что поделаешь — вен таймой,
И себя, и тебя жалею,
Наклонясь над этой строкой.

Говорят тут и там
сегодня. —
Но мне кажется, это муть, —
Будто станет Иртыш
полноводней.
Только стоит его повернуть.

Сильно смелости,
сильно пылу,
Больно слушать ту ерунду!
Повернуть тебя, как нобыду,
Потянув рукой за узду.

Нет! Венами домал ты степи
Не затем, чтоб однажды —
святой,
Под большой человеческой
лепет
Захлебнулся своей водой.

Именно гражданская боль и тревога за происходящее вокруг делают эти зарифмованные строки подлинной поэзией. Поэзией, которая в лучших своих образцах всегда стремилась быть впереди сегодняшнего, сиюминутного, текущего. Именно поэтому решаемь поставить рядом имена писателей, заслуженно пользующихся международной известностью, и негромкое имя сибирского поэта, не так уж много успевшего сделать за свою короткую жизнь. Они (каждый в зависимости от своих возможностей) делают одно дело.

Сознаюсь: мне нелегко писать о книге Николая Разумова — книге итоговой, подводящей черту под его творческим путем. Ведь многие из составивших ее стихов были когда-то читаны еще «горячими», только что родившимися: автор был человеком общительным, — написав новое стихотворение, он тотчас же, чуть ли не бегом, нес его друзьям. Сознаюсь и в другом, главном. Стихи Н. Разумова, собранные в полно-весную книгу (и здесь немалую роль сыграли редактор Т. Четверикова и автор предисловия В. Макаров), как бы вновь познакомили меня с их автором. Уж, вроде бы, знаешь, помнишь чуть ли не каждую строку (большинство своих новых стихов Н. Разумов приносил в «Молодой сибиряк»), а читаешь все вместе оставляет, тем не менее, новое — более сильное и более точ-

ное — впечатление.

Видится мне теперь лирический герой Н. Разумова человеком, до боли душевно любящим все сущее вокруг: щедрый снегопад, незнакомое розовошеего мальчишку, родную речку с негромким названием, дым над деревенской крышей, дом со скрипучей лестницей, где наверху ждут друзья...

Оговорюсь, это нелегкая любовь. В ней много сомнения, много сложного, идущего от непонимания окружающих, от бытовых неурядиц, от того, что не все, к сожалению, гармонично и гладко вокруг. Но смотрите, какие чистые и мужественные строки находим мы рядом со словами горести и потери:

После слякоти,
после тумана
На холодной земле
и во мне —
Я встряхнусь я опомнюсь,
и встану,
И увижу в начавшемся дне
Столько нового, ясного
света.

Столько сильных
и радостных лиц.
И опять моя песня не сгета.
И дороги опять без границ.

Помнится, у Николая в последней строке этого короткого (но несомненно, на мой взгляд, программный характер) стихотворения были не «дороги», а «желанья»: «И желанья опять без границ». Будь он жив, я, может быть, уговорил бы его вернуться к первому варианту: он точнее и емче.

Но, в конце концов, не в одном этом слове дело. Дело в большем. Николай Разумов, как и всякий подлинный литератор, воспринимал окружающую его повседневную действительность как нечто, во многом зависящее и от него. От него лично. «Зачем я старше старшины?» — спрашивается в одном из его стихотворений. Да затем, чтобы бороться за свое, сегодняшнее время, делать его чище, светлее, справедливее! Такой, мне кажется, подразумевался ответ.

Поэт имеет твердую, неизблемую точку отсчета. Это она помогает его лирическому герою, пройдя через многие горести и потери, через тоску и душевный неуют, остаться восприимчивым и к чужой беде, и к огромным суровым проблемам, терзающим всю нашу планету. Точка эта для автора книги «Вечернее кочевье» — Родина: воспоминания детства, дочь, прибывавшая из школы, негромкие люди, встречающиеся на бесконечных прииртышских дорогах, строгий сосновый бор, женщина, отцовский дом. Все, казалось бы, обычное, даже обыденное. Но именно все это в целом и составляет для человека огромное понятие Родины. Так говорит поэт, и не перить ему нет оснований:

На берегу, над ледоходом,
Пред силою весенних прав,
Я подытожил злые годы.
Ключи к разгадке подобрал.
И что же я в итоге понял,
На что открыл свои глаза? —
В весенних днях,
в весеннем звоне
О жизни спрашивать
нельзя!

Восклицательный знак, стоящий в конце этого короткого восьмистрочного стихотворения, выглядит победно. Он знаменует нелегко давшееся душевное озарение. Открытие, да, именно открытие!

У нас в последнее время вошло в привычку, рекомендуя кому-либо ту или иную книгу, говорить: прочитайте, получите большое удовольствие. Какое все-та-

ки видится в этих словах отступление от тех больших мерок, которыми должно измерять настоящую литературу. Удовольствие!.. Да получим ли мы удовольствие (в уютном, домашнем смысле этого слова) от чтения «Печального детектива» Виктора Астафьева или рассказа «Не могу» Валентина Распутина? После знакомства с такими произведениями не заснешь голубиным сном. Они написаны для бессонницы, для нелегких, безжалостных (самому-то себе чего врать?) ночных мыслей. Так написаны и многие стихи, вошедшие в «Вечернее кочевье».

Но вовремя, а не до срока
Пришли сомнения души.
Не надо больше слов
высоких...
Теперь мне хочется в тиши
Вот так стоять
над речной сном,
Встречая ветер лучших лет,
И поднимать из сердца
слово, —
Из крови и тепла на свет.

Заканчивая эти, может быть, несколько пристрастные заметки, хочу еще раз подчеркнуть главную мысль, основную точку отсчета книги, и всего творчества Николая Разумова. Без них не может состояться никакая книга, никакой литератор. Эта мысль, эта точка отсчета — Родина. Родина и боль за нее. Святая, благотворная боль.

А. ЛЕЙФЕР.

